За пределы тематики раздела несколько выходит статья О.Е. Вязковой, А.А. Гольевой и А.А. Малышева «Боспорская сигнально-сторожевая система на полуострове Абрау: результаты комплексных исследований». Помимо исключительно хозяйственных (применение тех или иных строительных материалов и техник) и экологических (ландшафтные характеристики мест размещения древних укреплений), работа затрагивает вопросы, связанные с военной историей Боспорского царства, прежде всего с организацией системы сторожевых укреплений (фортов) на его юго-восточных рубежах. В ней содержатся сведения о более чем двух десятках древних укреплений, известных по раскопкам или по данным археологических разведок. Следует отметить известную смелость авторов, включивших в сводку и объекты, пока не подвергавшиеся археологическим раскопкам и атрибутированные в качестве остатков древних укреплений только исходя из особенностей рельефа. Анализ топографии укреплений дал возможность выделить северный и южный микрорегионы, определить, что цепочки башен-фортов в римское время составляли продуманную сигнально-сторожевую систему, размещенную вдоль сухопутных и морских коммуникаций, наметить возможные места локализации пока не открытых аналогичных объектов. Изучение полученных при раскопках археологических материалов позволило осветить некоторые особенности организации гарнизонной службы.

В заключение следует отметить, что поставленная авторами задача – представить читателям результаты комплексного изучения полуострова Абрау, выполнена. Несколько опечаток и неточностей на картах и в подрисовочных подписях несколько не снижают общей высокой оценки издания. Выход в свет сборника «*Abrau Antiqua*» – несомненно знаковое событие в изучении историко-культурного и природного наследия Северо-Западного Кавказа. А поскольку работы Новороссийской экспедиции ИА РАН продолжаются, в сферу научных интересов ее коллектива вовлекаются все новые археологические памятники. Таким образом, следует ожидать новых комплексных исследований древностей полуострова Абрау и сопредельных территорий и, конечно же, новых публикаций.

Литература

Некрополи Черноморья. I. 2007: Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя. Некрополи Черноморья. I / А.А. Малышев (ред.). М.

Некрополи Черноморья. II. 2008: Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: По материалам Цемдолинского некрополя. Некрополи Черноморья. II / А.А. Малышев (ред.). М.

Новичихин А.М. 2007: Начальный этап освоения человеком района Анапы (по археологическим данным) // Социально-культурный сервис и туризм: проблемы и перспективы развития. Вып. 2 / И.И. Ашкинадзе (ред.). Анапа.

Паромов Я.М. 2000: Скифские погребения на Таманском полуострове // Таманская старина. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII – I вв. до н.э.) / С.Л. Соловьев, Г.Р. Цецхладзе (ред.). СПб.

Сизов В.И. 1889: Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. II, 7–173.

А.М. Новичихин,
кандидат исторических наук,
доцент анапского филиала Сочинского
государственного университета туризма и курортного дела

© 2010 г.

А.Р. ПАНОВ. Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н.э. – первой трети II в. н.э. Арзамасский государственный педагогический институт. Арзамас, 2008. 359 с.

Монография А.Р. Панова посвящена взаимоотношениям республиканского и императорского Рима с северочерноморскими и закавказскими государствами и народами на протяжении позднего эллинизма и Ранней империи. Эта тема – одна из приоритетных для отечественного и западного антиковедения – освещается автором в контексте римской восточной политики и создания вассальных или «буферных» государств в причерноморском и кавказско-малоазийском регионах. А.Р. Панов

подходит к изучению внешней политики Рима в Северном Причерноморье на примере отношений с Ольвией, Херсонесом Таврическим, Боспорским царством, а в Восточном Причерноморье и Закавказье – на основании взаимоотношений с Колхидой, Иберией, Великой Арменией и отчасти Каппадокией.

Главу I исследователь начинает с предыстории римского проникновения в Закавказье и Северное Причерноморье, затем переходит к раскрытию особенностей так называемого «римского империализма» на Востоке во II – I вв. до н.э., а заканчивает подробным изложением событий на востоке, в Закавказье и Северном Причерноморье, повлиявших на ослабление позиций Римской республики в этих регионах. Специальный параграф главы посвящен восточной политике Марка Антония. В главе II исследуются основные этапы в политике Рима на северочерноморском и закавказском направлениях при Юлиях Клавдиях, Флавиях, Траяне и Адриане. В главе III подробно раскрываются антиримские и проримские черты в политике боспорских и армянских царей. Глава IV посвящена отношению к римлянам северопричерноморского населения, в частности, тому, какова была позиция древнегреческих городов Тиры, Ольвии и Боспора во время усиления римской экспансии в этом регионе. Глава V дает представление о сотрудничестве Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в военной и торгово-экономической сферах. В заключении подводятся итоги исследования и сформулированы выводы.

Автор монографии выделяет причины активизации римской политики в этих районах, связывая их с обострением политической обстановки на границах Римской державы. Он стремится выявить обстоятельства, которые способствовали установлению отношений Рима с государствами Северного и Восточного Причерноморья, а также Закавказья. В работе делается попытка подойти к решению сложных проблем римской внешней политики на востоке с точки зрения социально-экономической ситуации в Риме. Отмечается, что многое во внешней политике зависело от личных амбиций римских политиков и государственных деятелей.

Немало места А.Р. Панов уделяет характеристике отношений Римской державы и ее союзников. Справедливо выделяя условия, наложившие отпечаток на позицию римлян по отношению к дружественным государствам и племенным союзам, он подробно разбирает вопрос о создании структуры зависимых от Рима государств. Основопологающим фактором, который влиял на политику Рима в Причерноморье и на Кавказе, включая закавказский регион, автор считает неослабевающий рост парфянской угрозы и постоянное римско-парфянское соперничество. Могущество Парфянского царства, его попытки привязать к себе Армению и даже Иберию, стали, по его мнению, главной причиной активизации политики Рима на востоке, так как римская администрация решительно была настроена защищать свои малоазийские и переднеазиатские провинции, а также союзные царства. В то же время пристальный интерес Рима к северо-восточному сектору Черного моря и в целом к северопричерноморскому региону был обусловлен стремлением обезопасить закавказских союзников от агрессивных поползновений со стороны кочевых племен, главным образом сарматов-аланов.

В книге выделены основные этапы развития взаимоотношений римлян с крупнейшими государствами Северо-Восточного Понта и Закавказья в конкретные промежутки времени, отмечены их подъем и причины упадка. По мнению автора, римские правители превращали союзные государства в провинции в тех случаях, когда этому способствовала складывавшаяся обстановка, в основном внешняя угроза или необходимость усилить присутствие римских сил на границе. Однако в ряде случаев Рим оставлял союзных правителей на правах вассалов и это, как правило, диктовалось устойчивой и стабильной политической ситуацией в Малой Азии и на Переднем Востоке в целом. А.Р. Панов выделяет общие закономерности этого процесса и «индивидуальный» подход римлян к каждому конкретному государственному образованию в Восточном Причерноморье и Закавказье. Он совершенно справедливо оценивает роль Армении как государства, которое в силу выгодного стратегического положения позволяло римлянам рассматривать его в качестве плацдарма для давления на Парфию и Иберию, и как своего союзника, способного обезопасить римские восточные провинции от агрессивных соседей. Поэтому много места в книге отводится описанию римско-армянских и римско-иберийских отношений, что выгодно отличает ее от многочисленных исследований по римской политике в отечественной и зарубежной науке. Автору удалось обозначить черты сходства и выявить различия в позиции Рима по отношению к Боспорскому, Иберийскому и Армянскому царствам до эпохи Империи в период расцвета.

В монографии использован большой объем литературы и источников, умело сочетаются данные письменных и эпиграфических источников и различные точки зрения современных ученых, содержатся важные выводы и заключения. Вместе с тем в ней имеется ряд положений, которые вызывают вопросы и возражения. Нам представляется, что в исследовании, посвященном взаимоотношениям Рима с Боспором и Закавказьем, подробное описание методов и подходов к изучению римской политики в целом излишне. Автор практически не использует обширную французскую литературу по

внешней политике Рима на Востоке, недостаточно широко охвачена им и германская историография. Обратимся теперь к некоторым спорным и ошибочным положениям.

А.Р. Панов отмечает, что сообщение Ливия о Танаисе как о пограничной реке римских владений в Апамейском мирном договоре 188 г. до н.э. между Римской республикой и сирийским царем Антиохом III не позволяет говорить о распространении римского влияния в Северном Причерноморье. Он полагает, что прочтение «Танаис» в договоре – ошибочно, у римского историка надо читать не «Танаис», а слово «Галис» – реку в Малой Азии (с. 12). На наш взгляд, возможность упоминания в договоре реки Танаис не следует отвергать. Резонно предположить, что у Ливия говорилось не о Танаисе – современной реке Дон в Европе, а о реке Танаис (Яксарт, Сыр-Дарья) в Центральной Азии, куда доходило влияние Селевкидов. В эпоху античности их нередко путали друг с другом, так как Танаис считался границей между Европой и Азией. Поскольку Апамейский договор фиксировал границы Римской державы и владения римских союзников в Азии, которые противопоставлялись границам Сирийского государства, потерпевшего поражение от Рима, то река Танаис в Центральной Азии как бы фигурально выражала границу распространения римского влияния на Востоке.

В монографии неоднократно упоминается мирный договор 179 г. до н.э. между Вифинией, Каппадокией, Пергамом и понтийским царем Фарнаком I, которым завершилась пятилетняя война между ведущими малоазийскими государствами. В нем упомянут некий Акусилох, названный одним из владык Азии. Некоторые отождествляют его с колхским царем Акой, но А.Р. Панов его таковым не считает, поскольку «статеры правителя Аки датируются нумизматами и более ранним временем – III в. до н.э.» (с. 13). Однако датировка статеров Аки в настоящее время уточнена: их относят к концу 90-х – 80-м годам II в. до н.э.¹, что в целом совпадает со временем заключения договора с участием Акусилоха. Поэтому предположение, что Акусилох идентичен с царем Акой и являлся колхидским царем, обоснованно. И уж совсем неправомерно называть Аку «монетарием»: на монетах его имя сопровождается царским титулом, следовательно, его статеры относились к царскому чекану. То же самое А.Р. Панов почему-то повторяет применительно к колхидскому правителю середины I в. до н.э. Аристарху: он пишет, что на монетах «титул Аристарха не обозначен – указано лишь имя монетария» (с. 226). Однако на монете Аристарха как раз имеется его титул колхидского правителя – ὁ ἐπί τῆς Κόλχιδος, а имени монетария, к великому сожалению, на его монетах нет.²

А.Р. Панов обстоятельно разбирает договор о дружбе и союзе между Херсонесом Таврическим и царем Фарнаком I Понтийским (IOSPE P. 402 = SEG XXX. 962), который традиционно связывают с войной 183–179 годов до н.э. в Малой Азии и заключением мира в 179 г. до н.э.³ Союзный херсонесско-понтийский договор датируется месяцем *даусием* по македонскому календарю и 157 годом по «эре Фарнака» (в его тексте буквально сказано: «как считает царь Фарнак»). Началом этой эры долгое время называли 337/336 г. до н.э.⁴ Однако некоторые исследователи ставят такую хронологию под сомнение, предлагая датировать договор по селевкидской эре с 312 г. до н.э. и относить его к 155 г. до н.э.⁵ Предложено также датировать херсонесско-понтийский договор по так называемой «эре Кимиатены» маем 158/157 г. до н.э. (за начало этой эры берется 315 или 316 г. до н.э.)⁶. Ранее Панов придерживался традиционной даты договора – 179 г. до н.э.⁷, однако в настоящей работе относит его к 150-м годам до н.э., не связывая, правда, ни с «эрой Кимиатены», ни с эрой Селевкидов (с. 14–15). В этой связи хотелось бы спросить автора, а по какой же эре тогда продатирован договор? Во избежание противоречий ему следовало бы присоединиться к одной из высказанных ранее точек зрения либо предложить нечто новое, но этого им не сделано. Поскольку в рецензируемой работе отвергается мнение о датировке договора 179 годом до н.э. и его увязке с мирным соглашением Понта с Вифинией, Каппадокией и Пергамом, полагаем уместным подробнее остановиться на этом вопросе. Тем более что для обоснования своей точки зрения А.Р. Панов ссылается на мнение О.Л. Габелко (с. 14, прим. 3, 6), который, приводя аргументы в пользу датирования договора по «эре Кимиатены», высказывает прямые упреки в наш адрес.

¹ Дундуа 1987, 89.

² См. Price 1993, № 1020; Сапрыкин 2003, 238–250.

³ См. Saprykin 1997, 243–247.

⁴ Лепер 1912, 38, 39; Rostovtzeff, Ormerod 1932, 218; Olshausen 1978, 398–401; Vinogradov 1987, 63; Сапрыкин 1996, 26.

⁵ Burstein 1980, 7; McGing 1986, 253, 254; Leschhorn 1993, 81, 82; Højte 2005, 147. Критику этой точки зрения см. Сапрыкин 1990, 207; Saprykin 1997, 246, 247.

⁶ Габелко 2005, 133.

⁷ Панов 2003, 133.

Итак, О.Л. Габелко пишет: «...возражения, представленные против этой гипотезы С.Ю. Сапрыкиным (речь идет об использовании Фарнаком I селевкидской эры. – С.С.) выглядят абсолютно неудовлетворительными: указанные авторы не хуже него знают, что зимой 155/154 г. до н.э. Фарнака уже не было на понтийском троне, однако это ничуть не мешает предположению о том, что семью-восемью месяцами ранее он еще оставался царем и мог заключать договоры»⁸. Исключая возможность датировать договор по эре с начальным 336 г. до н.э., О.Л. Габелко обвиняет нас в том, что, отстаивая эру Фарнака как летосчисление с года воцарения Дария III Кодомана в 336 г. до н.э. (мы условно назвали эту эру «эрой Отанидов»), мы якобы занимаемся «модернизацией истории» (sic!) и полностью игнорируем устоявшееся в науке мнение о воцарении Дария III в конце 336 г. до н.э. Поэтому, полагает уважаемый историк, начало правления последнего ахеменидского царя следует относить не к 337/336 г. до н.э., а к следующему 336/335 г. до н.э. по македонскому календарю, принятому в Понтийском царстве. В результате этого уточнения ему представляется, что «предлагаемая С.Ю. Сапрыкиным хронология рушится».

Не знаю, что и где рушится в воображении О.Л. Габелко, но его хронологические поправки смехотворны: разница в один год или даже в полгода при отсчете начала правления Дария и соответственно «эры Фарнака» нисколько не нарушает хронологию понтийского летосчисления. Дело в том, что 179 или 178 год до н.э. как дата заключения договора Херсонеса и Фарнака так или иначе близка году подписания мирного соглашения 179 г. до н.э. (по Полибию), поэтому херсонесско-понтийский договор вполне мог стать прямым результатом этого важнейшего для малоазийских государств и Рима события. О.Л. Габелко предполагает, что Фарнак был жив на протяжении большей части 155 года до н.э., но в таком случае это не оставляет Митридату IV, следующему по времени понтийскому царю, больше трех–пяти лет для правления в Понтийском царстве (как известно, в 149 г. до н.э., когда началась третья Пуническая война, содействие римлянам оказал уже Митридат V Еввергет)⁹. Вводимая в научный оборот новая понтийская эра, обозначенная как «эра Кимиатены» (по названию области в Пафлагонии), противоречит ситуации в Понтийском царстве. В Пафлагонии и Понте свое летосчисление имели исключительно греческие полисы (Синопа, Амасия, Аμισ, Комана), а не административные области страны. Введение городских эр было характерно до образования царства Понт либо после его распада, когда римляне давали свободу крупнейшим городам¹⁰. Невероятно, чтобы понтийские цари отсчитывали царскую эру согласно летосчислению в отдельной области или даже в одном городе, например в Кимиате, которая и городом-то не была, а лишь царской крепостью. Если бы даже это было так, и Кимиата имела собственную городскую эру, ставшую при первых понтийских царях царской, то почему же Митридат Евпатор, пользовавшийся вифино-понтийской эрой, не предоставил столь значительной царской крепости права стать полисом и чеканить собственную монету, что было им сделано по отношению к Пимолисе, Тауларе и Хабакте, бывшим, как и Кимиата, царскими крепостями?

Но главное даже не в этом. Ни датировка херсонесско-понтийского договора по эре Селевкидов, ни отождествление «эры Фарнака» с ближе не известной и существующей лишь в воображении некоей «эрой Кимиатены» не согласуются с тем, что известно из истории Понта этого времени. Летом 156 г. до н.э. началась война Атталы II Пергамского и вифинского царя Прусия II, а зимой 155/154 г. до н.э., согласно Полибию (XXXIII. 12. 1), пергамский царь, запертый в своей столице вифинскими войсками, «зимой еще собрал многочисленное войско, так как Ариарат и Митридат (царь Понта Митридат IV Филопатор Филадельф. – С.С.) как его союзники тоже доставили конное или пешее войско под командованием Деметрия, сына Ариарата»¹¹. Из этого сообщения следует, что зимой 155/154 г. до н.э. у власти в Понте находился Митридат IV и он, очевидно, взошел на трон ранее этого времени. Договор Херсонеса с Фарнаком по македонскому календарю и селевкидской эре, как полагают, датируется маем-июнем 155 г. до н.э.¹², а год по этому лунно-солнечному календарю начинался в октябре¹³. Следовательно, по такой хронологии май-июнь 155 г. до н.э. – это начало второй половины года (восьмой-девятый месяцы), а зима будет соответствовать уже началу следующего

⁸ Габелко 2005, 143, 144, 147.

⁹ Если допустить, что в договоре Фарнака с Херсонесом действительно используется селевкидская эра и он относится к 155 г. до н.э., а в декрете из Абонутейха, датированным 161 г. понтийской эры в правление царя Митридата Еввергета (Лепер 1903, 158–164; Reinach 1905, 113–119; Højte 2005, 144), отсчет лет ведется по этой эре, то тогда Митридату IV вообще оставалось править в Понте только три года!

¹⁰ Leschhorn 1993, 106–130.

¹¹ Habich 1956, 107; 1957, 1118, 1119; Robert 1937, 111 suiv.

¹² Burstein 1985, 101; McGing 1986a, 253, 254; Leschhorn 1993, 81; Габелко 2005, 143.

¹³ Перл 1969, 40 сл.; Бикерман 1975, 44.

154 г. до н.э. Однако Полибий определенно говорит о зиме 155 г. до н.э., когда Митридат и Ариарат пришли на помощь Атталу. В таком случае речь, скорее всего, должна идти о зиме в начале 155 г. до н.э. (за полгода до этого в течение лета–осени 156 г. до н.э. и самого начала зимы 155 г. до н.э. Аттал потерял часть владений во Фригии и оказался запертым в Пергаме). Это означает, что, если прав Полибий, то уже в начале 155 г. до н.э., т.е. до весны и лета этого года, Митридат определенно являлся союзником пергамского царя. Значит, в конце весны – начале лета 155 г. до н.э. Фарнак никак не мог заключить договор о дружбе с херсонеситами, так как на престоле находился его брат Митридат. И тогда датировка договора по селевкидской эре отпадает.

Другой хронологической вехой служит декрет афинян с Делоса в честь Фарнака I и его супруги царицы Нисы, датированный по архонтству Тихандра и по упоминанию секретаря Сосигена, сына Менекрата, из Марафона¹⁴. Традиционная его дата – 160/159 г. до н.э.¹⁵, а попытка отнести надпись к 196 г. до н.э. на основании шрифта и афинской палеографии¹⁶ не имеет для нас сейчас особого значения, так как оставляет открытой дату смерти Фарнака и соответственно год заключения им договора с Херсонесом. Но на помощь приходят монеты – обильный чекан царя Митридата IV Филопатора Филадельфа, выпускавшего поначалу монеты вместе со своей соправительницей – сестрой и одновременно супругой царицей Лаодикой. Развитие иконографического портрета этого царя от молодого мужчины до человека в возрасте, 14 типов штемпелей лицевых сторон его тетрадрахм и одного золотого статера, плюс пять типов штемпелей аверсов его совместных с Лаодикой тетрадрахм, а также тетрадрахма и статер чекана царицы Лаодики Филадельфы во вдовстве были выпущены до 150/149 г. до н.э. и полностью исключают краткий (от пяти до трех лет) хронологический зуус для правления Митридата IV. Это обстоятельство заставило Ф. де Каллатая уложить время чекана монет этого царя в пределы 169–150 гг. до н.э.¹⁷ На этом основании смерть Фарнака I можно предположительно отнести ко времени не ранее 170 г. до н.э. и не позднее 160 г. до н.э., что ставит под большое сомнение датировку договора с Херсонесом по «эре Кимиатены».

Против датировки договора Херсонеса с Фарнаком по эре Селевкидов свидетельствует использованное в нем выражение – «как считает царь Фарнак». В практике счисления годов по селевкидской эре, достаточно популярной в эллинистическом мире, датировочная формула всегда была традиционной и гласила «в царствование такого-то царя, в такой-то год и такой-то месяц» (в основном цифрой, очень редко полностью и словами)¹⁸. Нигде и никогда – ни в царстве Селевкидов, ни за его пределами – не пояснялось и не указывалось, что царь (или правитель) «считает годы так-то». Это было вызвано длительностью использования эры, устоявшимся и постоянным правилом датировки, наконец, ее популярностью. Поэтому вряд ли уважающий себя монарх стал бы указывать, что он ведет счет годов аналогично тому, как это делали другие более могущественные цари, эру которых он применяет. Фраза «как считает царь Фарнак» появляется исключительно в договоре с Херсонесом, начертанном на камне местным мастером, чтобы из уважения к союзному монарху показать, что это эра исключительно его, Фарнака, царя Понтийского государства. В таком случае это местная эра, связанная с династией царей Понта. В противном случае в текст договора включили бы выражение «в царствование царя Фарнака» и указали бы год – цифрой или прописью, а также месяц и день (как было принято считать по эре Селевкидов и македонскому календарю). Именно так, кстати, датировали официальные документы после введения в Понтийском царстве вифино-понтийской эры, что могло быть вызвано, помимо прочих причин, необходимостью усовершенствовать правила датировки, ибо предыдущая «эра Фарнака» выглядела абстрактной и малопонятной грекам и другим подданным и союзникам понтийских царей.

Принятие в Понте селевкидской эры обычно объясняют брачно-династийной политикой Митридатидов, бравших в жены дочерей селевкидских царей. Но брачная политика в Понте не влияла на выбор царской эры¹⁹, ибо наследование трона осуществлялось исключительно по мужской линии

¹⁴ Durrbach 1921, N 73 = ID 1497b = IG XI. 1056 = OGIS. 771.

¹⁵ Schenkungen... 1995, 77–80. KNr 35 [E].

¹⁶ Трасу 1992, 303–313; Нøjте 2005, 142, 143.

¹⁷ De Callatay 2009, 74–78; ср. Vinogradov 1990, 548, 549; Сапрыкин 1990, 207; Нøjте 2005, 144.

¹⁸ Примеры см. Leschhorn 1993, 436–438.

¹⁹ На Боспоре пришедший в результате переворота к власти царь Асандр, не принадлежавший к династии Митридата Евпатора, взяв в жены внучку этого понтийского царя для легитимизации своего правления, так и не получил права считать годы царствования по понтийской динамической эре. Его сын Аспург, который стал царем в 14 г. н.э., после того как женился на фракийской принцессе Гипеирии, получил право датировать свое правление по наследственной митридатовской вифино-понтийской эре, ибо взшел на престол как представитель династии Митридатидов по линии матери.

от отца к сыну (и лишь в одном случае от старшего брата к младшему) по причине первородства и местных династических традиций. А если бы было наоборот, то царский титул и трон наследовали бы по материнской линии. Но в Понте этого никогда не наблюдалось, напротив, всегда подчеркивалось происхождение от персидских царей Ахеменидской державы. К тому же Понтийское царство возникло в ходе противостояния первых Митридатидов и диадохов Александра Македонского – Евмена, Антигона, Лисимаха, Селевка и Антиоха I, так что использование селевкидской эры в начальный период понтийской истории было исключено. Все это ставит под решительное сомнение применение Фарнаком I селевкидской эры, а значит и датировку его договора с херсонеситами 155 г. до н.э.

Датировке договора 150-ми годами до н.э. противоречит хронология керамических клейм Херсонеса Таврического. Согласно общепринятой классификации клейм, предложенной В.И. Кацем, в хронологической группе 3 (подгруппе А – 230–215 гг. до н.э.) засвидетельствовано имя магистрата-астинома Аполло(дора), сына Герогита. В договоре с Фарнаком фигурирует Аполлодор, сын Герогита, в базилию которого были даны клятвы соблюдать договор. Там же упоминаются херсонесцы Матрий и Гераклий, прибывшие к Фарнаку для заключения договора. В той же хронологической группе астиномных клейм (подгруппа Б – 215–200 гг. до н.э.) встречаются Матрий, сын Аполлониды, и два Гераклия – один сын Гераклия, а другой сын Формиона²⁰. Такие же имена зафиксированы среди монетариев Херсонеса 200–170 гг. до н.э.²¹ Очевидно, в клеймах и на монетах названы одни и те же люди на ранних этапах своей официальной карьеры, а в договоре им как умудренным опытом гражданам уже были доверены важные государственные поручения. Если это действительно те же самые лица, то исполнение ими этих обязанностей в середине II в. до н.э. маловероятно.

И последнее: упоминаемое в договоре обязательство Фарнака оказывать Херсонесу помощь, «если соседние варвары выступают в поход на Херсонес или подвластную херсонеситам страну или будут обижать херсонеситов», справедливо относят к сложившейся тревожной ситуации на хоре Херсонеса в Северо-Западном Крыму и на Гераклеяском полуострове, когда город еще сохранял в своих руках подвластную аграрную территорию²². По данным археологии и нумизматики, херсонеситы утратили контроль над своими владениями в Северо-Западной Таврике в середине–начале второй половины II в. до н.э., а близкую хору на Гераклеяском полуострове потеряли в последней четверти столетия²³. Вряд ли в договор могло быть включено обязательство защищать хору полиса, которая в 150-х годах до н.э. была уже потеряна. Поэтому все изложенное выше не позволяет согласиться с теми, кто относит союзный договор Херсонеса и Фарнака I к 150-м годам до н.э.

Описывая события на Боспоре после свержения Фарнака II и прихода к власти Асандра, А.Р. Панов выступает против нашего предположения, что Цезарь пощадил Фарнака, чтобы использовать его в борьбе с неугодным Риму Асандром²⁴. Он считает, что Митридат Пергамский был послан именно против Фарнака, который и стал жертвой такого решения Цезаря (с. 86). Тут же он приводит фразу из «Записок об Александрийской войне» о том, что Митридат Пергамский был назначен царем Боспора, «который находился под властью Фарнака» (Bell. Alex. 78). Если обратиться к источникам, то легко убедиться, что Цезарь, согласно Аппиану, не стал преследовать Фарнака, а его легат Домиций Кальвин (явно по приказу Цезаря) заключил с ним мир (или перемирие – по Панову), дал ему корабли и позволил отплыть на Боспор для войны с Асандром (но без конницы, как наиболее боеспособного рода войск в армии царя). Что это, как не поддержка бывшего противника против нового врага! В этой связи А.Р. Панов не учитывает сообщения Диона Кассия (XLVII. 26. 5; – хотя ниже оно приводится им в ином контексте) о восстании Цецилия Басса в Сирии и его разоблачении Секстием в 46 г. до н.э., когда тот заявил, что собирался оказать помощь Митридату Пергамскому осуществить экспедицию на Боспор. Это типичная для Цезаря политика двойных стандартов – признанный римским другом Фарнак²⁵, побежденный Цезарем, должен был одолеть непризнанно-

²⁰ Кац 1994, 67–77.

²¹ Анохин 1977, 144, 145; Туровский 1997, 62, 63.

²² Sarykin 1997, 265; Højte 2005, 151, 152.

²³ Кутайсов 2004, 126.

²⁴ Ранее это положение было сформулировано автором в других работах (Панов 2003, 30; 2008, 201 сл.).

²⁵ Об официальном титуле Фарнака – «друг римлян» см. *App. Mithr.* 113; 114; BC II. 92; Павличенко 2007, 304. В связи с этим совершенно правдоподобно звучат слова Диона Кассия (XLII. 48. 4): «Цезарь... вознаградил свободной амисенцев, дал Митридату Пергамскому тетрархию в Галатии с именем царя и позволил ему воевать с Асандром, чтобы, победив его, отнять у него и Боспор за то,

го Асандра, незаконно с точки зрения Рима завладевшего престолом. Цезарь потому и отпустил Фарнака, что тот формально продолжал считаться другом римского народа. Спрашивается – зачем умному и дальновидному Цезарю понадобилось посылать Митридата Пергамского и помогать ему против Фарнака, если последний был у него в руках и был готов на все, что прикажут римляне? И зачем надо было возвращать боспорского царя на Боспор, чтобы затем его оттуда выдворять? Ответ может быть только один – все это затевалось ради свержения Асандра, незаконного, по мнению Цезаря и Сената, боспорского правителя, а автор *Bellum Alexandrinum* указал, что Боспор находился под властью Фарнака, ибо тот, с точки зрения римлян, считался законным царем. Отсчитывать 15 лет правления Фарнака с 63 г. до н.э., как делает автор работы, нельзя: по Аппиану, этот год попадает под хронологию правления Митридата Евпатора, поэтому правление Фарнака началось в 62 г. до н.э.

Совершенно ошибочно утверждение А.Р. Панова, будто западнопонтийские города «частью добровольно, частью по принуждению» пошли за гетским царем Бурбистой (с. 78). Почти все города, особенно Ольвия, пострадали от этого царя, который поддерживал отношения только с отдельными богатыми гражданами, например с Акорионом из Дионисополя.

Немало путаницы внес А.Р. Панов в проблему политического положения Боспора в первые годы принципата Августа. Он полагает, что Скрибоний, оспаривавший у Асандра власть, не мог быть римским агентом, не поддерживал никаких политических связей с Августом и не мог быть и римским вольноотпущенником, хотя имел какую-то связь со Скрибонием Либионом, братом Скрибонии, первой жены Августа. Он приходит к выводу, что это был узурпатор, действовавший на свой страх и риск (с. 117–122, 217).

Вопрос о Скрибонии спорен и не может решаться однозначно. Главным источником, из которого можно почерпнуть сведения о том, какое положение занимал на Боспоре Скрибоний, когда победил Асандра и тот умер, уморив себя голодом (*Ps.Luc. Masc. 17*), является сообщение Диона Кассия (*LIV. 24. 4–5*): Скрибоний ...καὶ τὸν Βόσπορον διὰ χειρὸς ἐποίητο – «...и держал Боспор в руках». Выражение διὰ χειρὸς, διὰ χειρῶν ἔχειν vel λαβεῖν, διὰ χειρὸς τινοῦ ποιεῖν, διὰ χειρὸς εἶναι – «иметь или взять между рук или в руки, схватить, нести в руках, держать, хранить, придерживаться чего-либо» (чаще всего существующего государственного строя) (см. *LSJ. s.v.*) никогда не означало «получить полную власть» или «получать управление». Скорее всего, Скрибоний (кем он был – вопрос другой), устранив с престола царя Асандра и став мужем его бывшей супруги Динамии, законной наследницы трона, продолжал оставаться человеком без юридических оформленных прав на власть, т.е. он попросту «держал под контролем (или в руках) дела на Боспоре», но не в качестве царя или полновластного правителя, на чем настаивает Панов, а как представитель интересов Римской империи. Поэтому утверждение Панова, что Скрибоний не мог быть представителем императора на Боспоре, т.е. куратором при дворе его царя, неубедительны. Скрибоний, вопреки мнению Панова, мог быть вольноотпущенником, если вспомнить, что Ликорм, посланный ко двору Савромата I и снабжавший императора и его наместника в провинции Вифиния-Понт важными сведениями, был отпущенником самого Траяна.

Разбирая различные точки зрения о судьбе боспорской царицы Динамии после присоединения Боспорского царства к Понтийскому государству во главе с Полемоном I, А.Р. Панов придерживается фантастической версии о пребывании Динамии в Риме после 12 г. до н.э., откуда она в 8 г. до н.э. была послана вновь возглавить Боспорское царство (с. 217). Эту точку зрения (как и тезис о так называемом «втором правлении Динамии») следует отвергнуть, о чем мы подробно и неоднократно говорили. Действительно, какие имеются основания утверждать, что после гибели Полемона I в 7 г. до н.э. на престоле находилась Динамия? И какие имеются доказательства о ее пребывании в Риме? При подходе к этим вопросам решающими являются надписи и монетные серии – золотые статеры с монограммой χ и медные монеты с монограммами ΒΑΕ, ΒΑΜ, ΒΑΡ. Эти монеты не имеют никакого отношения к Динамии, а ее надписи были датированы временем между 21–14 годами до н.э., когда царица осуществляла единоличное правление и для упрочения собственной власти заигрывала с городами, римскими властями и верхушкой сармато-меотов. А.Р. Панов относит херсонесскую надпись IOSPE P. 419 к Полемону I, что вряд ли верно. Согласно убедительному мнению Ю.Г. Виноградова (почему-то отвергаемому Пановым), в ней упоминается «гегемон (наместник) Мезии», что было невозможно в конце I в. до н.э., когда Мезия не была еще выделена в самостоятельную провинцию.

что он оказался изменником другу», – из которых следует, что Митридат Пергамский был послан воевать с узурпатором власти Асандром, по мнению Цезаря, предавшего Фарнака – «друга римского народа», объявленного таковым Помпеем (Heinen 1994, 76).

Автор монографии почему-то реанимирует старую точку зрения, будто Асандр и Асандрох (это имя трижды встречается в боспорских надписях времени Аспурга в качестве имени его отца) – разные лица и соответственно разные цари Боспорского государства (с. 222). Не имея желания повторять уже неоднократно высказывавшиеся в литературе лингвистические отождествления обоих имен (иранское имя Асандрох и эллиническое имя Асандр), остановимся только на «решающем» аргументе Панова: «поскольку известно, что Асандр умер в 93-х летнем возрасте на рубеже 20-х годов I в. до н.э., его отцовство в отношении Аспурга кажется сомнительным». По мнению исследователя, неоднократное упоминание имени Асандроха, во времена Асандра не встречающегося, говорит в пользу существования царя с таким именем. Однако следует учесть следующее. Во-первых, брак Асандра и Динамии (КБН, 30; Dio Cass. LIV. 24. 4–5), предполагаемой матери Аспурга, благодаря которой он причислял себя к династии Митридата Евпатора (старший сын Аспурга носил династической имя Митридат и наследовал власть), продолжался, как минимум, до 21 г. до н.э., когда Асандр передал власть супруге (Dio Cass. LIV. 24. 4–5). Аспург умер в конце 36 или в 37 г. н.э., следовательно, он мог появиться на свет между 42 годом до н.э. (когда архонт Асандр, как предполагается, вступил в брак с Динамией и получил титул царя) и 21 годом до н.э. Хотя мы действительно не знаем точный год рождения Аспурга, жизненный отрезок в 79 лет между 42 годом до н.э. и 37 годом н.э. (с учетом долгодетельной жизни Асандра, отца Аспурга) не выглядит невероятным для этого боспорского царя. Поэтому вполне допустимо предположение об отцовстве Асандра по отношению к Аспургу. Во-вторых, что до неоднократно повторяемого в надписях имени «Асандрох», то это объясняется прочными сарматскими, т.е. иранскими, корнями Аспурга, имя которого также иранское. По прошествии многих лет со дня смерти Асандра, отца Аспурга, сарматоязычные боспорцы могли произносить его имя на свой более приемлемый для них манер.

По мнению А.Р. Панова, урны в римском колумбарии с прахом Идика, посла фанагорийцев, и переводчика сарматов Аспурга, сына Биомаса, свидетельствуют, что эти лица попали в столицу Империи при Августе (с. 3, 9). Применительно к Аспургу это, скорее всего, произошло при Тиберии и Клавдии (IGUR II, 1, № 567; Noy 2002, 291). Мы вообще сомневаемся, что фанагориец Идик прибыл послом к императору Августу. Об этом в надписи не сказано, по-видимому, он появился в Риме намного раньше, когда Фанагория была автономным полисом, получив по решению Помпея свободу за участие в восстании 63 г. до н.э. против Митридата Евпатора. После ее осады Фарнаком II ок. 55 г. до н.э. она вновь вошла в состав Боспорского царства. А с предпоследней декады I в. до н.э. получила название «Агриппия»²⁶. Поэтому Идик мог оказаться в Риме между 63–55 гг. до н.э., очевидно, в 61 г. до н.э., во время триумфа Помпея. А идея автора книги, что инициатива обращения к императору исходила от царя Аспурга, подключившего к своему посольству в Рим фанагорийцев, обладавших правом неоднократно посещать Рим, что якобы подтверждает надпись сарматского переводчика Аспурга, сына Биомаса (с. 322), вообще не выдерживает критики. В надписи об этом не говорится, а иранское имя Аспург встречается в Северном Причерноморье (Ольвия, Горгиппия) в римскую эпоху²⁷, поэтому одно лишь совпадение имен царя и переводчика не может служить решающим аргументом для столь широких исторических выводов.

Утверждение А.Р. Панова, что римские провинции и вассальные царства находились в равном положении как составные части Римской империи (с. 29), спорно, так как это совершенно разные в правовом и административном плане субъекты права. На клиентные царства законы Римской империи не распространялись, хотя их цари по желанию могли вводить у себя некоторые римские установления. Автор утверждает, что после побед над царями римляне оставляли их правителями своих государств и это делало их формально «союзниками», а на деле зависимыми монархами. Они встраивались в систему римского управления и становились ее частью. Однако это не совсем так: цари были в первую очередь «клиентами» (вассалами) ведущих римских полководцев (как, например, во Фракии), и лишь во вторую очередь вассалами Римской державы (хотя и именовались «друзьями римского народа»). Они сохраняли властные полномочия, структуру внутреннего управления, социальную среду – опору собственной власти. В политике римляне нередко ориентировались на автономные полисы, ибо не всегда доверяли союзным царям, которые, используя рычаги управления, могли легко выйти из-под римского контроля. Кроме того, не все клиентские царства находились в одинаковом положении по отношению к Риму. Если расположенные в Средиземноморье царства действительно в определенном смысле были составными частями Римской империи, то

²⁶ Нельзя согласиться с А.Р. Пановым, что новое название Фанагории – Агриппия – не прижилось. Новое название сохранялось в течение долгого времени: имеются надписи из Фанагории II в. н.э. с упоминанием «демоса агриппийцев» (КНБ, 979; 983) «булэ и демоса агриппейцев» (КБН, 982), и надпись начала IV в. н.э., в которой говорится об «архонтах Агриппии» (КБН, 1051).

²⁷ Zgusta 1955, 75.

такие отделенные царства, как Армения или Боспорское царство, скорее находились в сфере римского влияния. Поэтому тезис, что вассальные цари оказывались встроенными в *raх Romana*, чрезмерно категоричен.

Не менее противоречив и тезис автора, что обозначение границ Римской империи было не столь актуально для римлян (с. 30). Это трудно согласовать с общеизвестным фактом, что начиная со II в. н.э. по ее границам, особенно в Британии, по Рейну, Дунаю, частично в Северном Причерноморье, Закавказье, Восточной Анатолии и Аравии, римляне возводили укрепления, создавали систему лимеса, своеобразную демаркационную линию границы с варварами.

А.Р. Панов утверждает, что, «...поскольку Боспорское царство входило в состав державы Митридата Евпатора, нужно упомянуть, что тот имел эпитет “друг и союзник римского народа”» (с. 204) (ср. *App. Mithr.* 12, 15, 56). Но здесь следует различать понятия. Митридат Евпатор официально не имел эпитета друг и союзник римлян, он был объявлен таковым лишь по мирному договору с римлянами и поэтому не имел права присоединять такой эпитет к своему титулу, так как договор о дружбе и союзе являлся временной дипломатической уступкой Риму. А его формулировки были действительны лишь на время существования договора (в дружбе клялись обе договаривающиеся стороны). Это отличало понтийского монарха от вассальных Риму царей, которые были утверждены императором и сенатом (или римскими полководцами, получившими от сената огромные полномочия, как в случае с Помпеем) «друзьями римского народа и цезаря» и поэтому эти цари включали его в царскую титулатуру.

Автор монографии считает, что титул *κτίστης* (см. КБН, 44) боспорский царь Савромат I получил потому, что основал город Никою-Никополь на азиатском Боспоре (с. 235). При этом он ссылается на мнение В.П. Яйленко, который, отстаивая идею о войне Савромата I с северокавказским племенем псеханов (псессов), приводил в доказательство надписи КБН, 44 и 1112²⁸. На самом деле первая из надписей является посвящением сообщества (синода) молодых никейцев в связи с основанием в столице Боспора союза выходцев из Никои в Вифинии. А надпись якобы с упоминанием Никополя (КБН 1112) датируется 335 годом н.э. и к Савромату I не относится. Вычитывать в ней название полиса Никополя неправомерно (в тексте ошибка в написании названия города, а сама надпись давно прочитана как *Νεϊκή πόλε(ως) Χαίρ(ε)*, «Победа города! Здравствуй! (или Да здравствует!)»). Эпитет «кτισ» являлся традиционным для знатных лиц в эпоху Империи, им обозначали их заслуги как деятелей государственного или полисного масштаба, которые добились от римских властей расширения прав и благодеяний для родного города или государства²⁹. К основанию городов этот титул никакого отношения не имел.

Высказанные замечания и множество возникающих при чтении вопросов заставляют оценить работу А.Р. Панова неоднозначно. Его монография – серьезное научное исследование, в нем недопустимы ошибки и недостаточное знание источников, прежде всего нумизматических и эпиграфических, которое проявляет автор. Однако читается книга с интересом, а спорные положения стимулируют оппонентов к постижению истинного положения вещей в сложной системе взаимоотношений Рима с Северным Понтом и Закавказьем.

Литература

- Анохин В.А.* 1977: Монетное дело Херсонеса. Киев.
Бикерман Э. 1975: Хронология древнего мира. М.
Габелко О.В. 2005: Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства // ВДИ. 4, 128–157.
Дундуа Г.Ф. 1987: Нумизматика античной Грузии. Тбилиси.
Кац В.И. 1994: Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов.
Кутайсов В.А. 2004: Керкинитиды в античную эпоху. Киев.
Лепер Р.Х. 1903: Греческая надпись из Инеболи // ИРАИК. 8, 1–2, 158–164.
Лепер Р.Х. 1912: Херсонесские надписи // ИАК. 45, 23–70.
Павличенко Н.А. 2007: Новая надпись эпохи Фарнака, сына Митридата VI Евпатора, из Гермонассы // БФ. II, 304–306.

²⁸ Яйленко 1987, 111, 112; 1990, 216–220. Критику точки зрения о военном походе против псеханов см. Сапрыкин 2005, 68–72.

²⁹ Как например, в Каллатисе (*Sauciuc-Săveanu* 1958, 218; *Avram* 1999, 326, N 44, 45; подр. см. *Quass* 1982, 188–213).

- Панов А.Р. 2003: Рим и Боспор: противостояние или сотрудничество. Нижний Новгород.
- Панов А.Р. 2008: Боспорское царство во внешнеполитических планах Рима в 47–46 гг. до н.э. // ВДИ. 4, 195–204.
- Перл Г. 1969: Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 3, 39–69.
- Сапрыкин С.Ю. 1990: Рец.: *McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986 // ВДИ. 2, 204–210.
- Сапрыкин С.Ю. 1996: Понтийское царство. М.
- Сапрыкин С.Ю. 2003: Аристарх Колхидский // *Scripta Gregoriana* / С.Л. Тихвинский (ред.) М., 238–250.
- Сапрыкин С.Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2, 45–81.
- Туровский Е.Я. 1997: Монеты независимого Херсонеса (IV–II вв. до н.э.). Севастополь.
- Яйленко В.П. 1987: Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья / А.И. Павловская (ред.) М., 4–200.
- Яйленко В.П. 1990: Поход Савромата I на азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья / Т.В. Блаватская (ред.) М., 216–220.
- Avram A. 1999: *Inscriptions grecques et latines de Scythie Mineure. Vol. III. Bucarest–Paris.*
- Schenkungen... 1995: *Schenkungen hellenistischer Herrscher an griechische Städte und Heiligtümer // Bringmann, H. von Steuben* (eds.) *TI I. Zeugnisse und Kommentare. B.*
- Burstein S.M. 1980: The Aftermath of the Peace of Apamea: Rome and the Pontic War // *AJAH. 5, 1–12.*
- Burstein S.M. 1985: The Hellenistic Age from the Battle of Ipsos to the Death of Kleopatra VII. *Cambr.*
- De Callatay F. 2009: The First Royal Coinages of Pontos (from Mithridates III to Mithridates V) // *Mithridates VI and The Pontic Kingdom / J.M.Højte* (ed.). Aarhus, 63–94.
- Durrbach F. 1921: *Choix d'inscriptions de Delos. Vol. I. Fasc. 1.*
- Habicht Ch. 1956: Über die Kriege zwischen Pergamon und Bithynien // *Hermes. 84, 1, 90–110.*
- Habicht Ch. 1957: Prusias (I) // *RE. XXIII, 45, 1, 1086–1127.*
- Heinen H. 1994: Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne // *Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums 1. Monographien 8 / R. Günther & S. Rebenich* (eds.) / *Festschrift Heinrich Chantraine. Paderborn, 63–79.*
- Højte J.M. 2005: The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE I², 402) and its Implications // *Chronologies of The Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC / V. Stolba, L. Hannestad* (eds.). Aarhus, 137–152.
- Leschhorn W. 1993: *Antike Ären. Stuttgart*
- McGing B. 1986: *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden.*
- McGing B. 1986a: The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date // *RhM. 129, 3–4, 248–259.*
- Noy D. 2002: *Foreigners at Rome. Citizens and Strangers. L.*
- Olshausen E. 1978: Pontos // *RE. Suplbd XV, 396–442.*
- Price J.M. 1993: *Sylloge Nummorum Graecorum IX. The British Museum. 1: The Black Sea. L.*
- Quass F. 1982: Zur politischen Tätigkeit der munizipalen Aristokratie des griechischen Ostens in der Kaiserzeit // *Historia. 31, 188–213.*
- Reinach T. 1905: A Stele from Abonouteichos // *NC. 4, ser. 5, 113–119.*
- Robert L. 1937: *Etudes anatoliennes. P.*
- Rostovtzeff M.I., Ormerod H.A. 1932: Pontus and It's Neighbours: The First Mithridatic War // *САН. IX, 211–260.*
- Saprykin S. Yu. 1997: *Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus Before Roman Domination (VI–I centuries BC). Amsterdam.*
- Sauciuc-Săveanu T. 1958: Ariston, Aristons Sohn, aus Kallatis // *Dacia. II n.s., 207–226.*
- Tracy S.V. 1992: *Inscriptiones Delicae: IG XI 713 and IG XI. 1056 // AM. 107, 303–313.*
- Vinogradov J.G. 1987: Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // *Acta Centri Historiae Terra Antiqua Balcanica II / A. Fol* (ed.). Sofia, 9–77.
- Vinogradov J.G. 1990: *Bulletin épigraphique // REG. 103, 435–616.*
- Zgusta L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha.*

С.Ю. Сапрыкин,
доктор исторических наук, зав. кафедрой истории древнего мира
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова